

тичку себя. Два остальных раздела включают мемуарные портреты и воспоминания об известных литераторах и художниках, критические эссе, а также путевые заметки, так сказать, по следам зарубежных поездок.

Казалось бы, в книге нет единства содержания, скорее — дробность, разрозненность его; налицо — «свобода» от определенного жанра, даже жанровый ералаш. Но отчего же при прочтении ее возникает такое неразрозненное впечатление? Такое ясное ощущение целостности? Единого дыхания, единого образа книги? Оттого скорее всего, что в ней постоянно присутствует автор — человек цельный и открытый, дорожащий тем, чтобы его поняли. Человек со сложившимся мировосприятием и системой ценностей — нравственных и эстетических; со стойкими пристрастиями, симпатиями и антипатиями, которые он честно выносит на наш суд, однако нам их не навязывая. Он много и многих видел на своем пути, «разглядел», подметил, принял или отверг.

У Левона Мкртчяна, мне кажется, есть дар понимания людей — их сути, их дела и слова, боли и радости. Потому он способен точно и лаконично передать самое главное в человеке, касается ли это замечательных мастеров кисти — Сарьяна, Галенца, Минаса, мастеров литературы — К. Чуковского, М. Шагинян, П. Севака, И. Драча, Н. Думбадзе, У. Сарояна или мастеров дел куда более земных — строителей, сапожников, портных... А вот как он пишет о матери: «Маме — семьдесят лет, а она все думает о нас, детях своих, которым уже под пятьдесят. И если хочет кому сказать что-нибудь хорошее, неизменно повторяет:

— Чтоб вы видели счастье своих детей».

Левон Мкртчян — человек отнюдь не добренький, он бывает резким, может высмеять, вышутить («Шутя можно говорить очень серьезные вещи», — запомнил он слова Мартироса Сарьяна). Если уж он не любит, то не любит. Если любит, то любит, иногда — восторженно, даже как-то упрямо, так, что может, как говорится, и «схлопотать». Во-первых, потому, что наш рациональный и стремительный век вообще не очень-то жалует восторженность; во-вторых, потому, что у других людей могут быть весьма веские причины не разделять чувства автора к тому или иному человеку.

Однако благо — и это очень существенно! — он справедлив в своем убеждении: конкретная благодарность за конкретное добро, внимание куда как лучше неблагодарности и невнимания. В проявлении к каждому человеку, и не в последнюю очередь к человеку с искрой божьей. Ибо талант уязвим, хрупок, редок, он национальное наше достояние. Ему — по самой его природе — бывает нелегко нести собственное бремя. Быть в литературе, быть в искусстве несравненно труднее, чем быть возле литературы, возле искусства.

Данью благодарности и стали некоторые портреты и воспоминания Левона Мкртчяна. Наиболее пронзительно написал он о Вере Звягинцевой, поставив ей своего рода горький, прекрасный памятник. Он написал о том, какой глубокой и нелегкой была любовь этой выдающейся переводчицы к Армении, как велик ее вклад в многонациональную нашу литературу. В словах Левона Мкртчяна о дружбе литератур нет умильного придыхания. Есть темпераментный и деловой призыв к взаимному, именно взаимному, уважению и благодарности.

Книга, к сожалению, имеет недостатки. Есть в ней вещи чуть облегченные, чуть поверхностные, чуть наивные. На мой взгляд, раздел «Дороги, страны, Армения» уступает остальным: мило — и только. Международная журналистика, к счастью, успела избаловать нас, читателей, своими прекрасными образцами. Наши требования к тем, кто берется писать о своих зарубежных впечатлениях, заметно возросли.

Не хочется расставаться с книгой. Хорошо, что писатель оставляет надежду на новую встречу: «Мрачнейшему из философов древности, автору горького изречения «Вне суета сует и томление духа», принадлежит слово менее известное, но мне гораздо более близкое: «Сладок свет и приятно для глаз видеть солнце».

Я к этому пришел как автор этой книги, к которой надеюсь еще вернуться, надеюсь дополнить ее. Дописать книгу нельзя. Продолжить можно».

В. ПАНКИНА

## СВОИМИ СЛОВАМИ

Левон Мкртчян. «Свет есть добро». Портреты, эссе, путевые заметки. Издательство «Свететан грох». Ереван. 1981.

МНЕ БЫЛО жаль закрывать эту книгу: словно встретила незаурядного, умного человека и вот скоро, очень скоро расстанусь с ним. Сборник Левона Мкртчяна «Свет есть добро» включает коротенькая справка об авторе: писатель, литературный критик, доктор филологических наук, профессор; имеет более десяти книг на армянском и русском языках; занимается армянской классической литературой и русской литературой XIX века, теорией художественного перевода. Широкий диапазон интересов и занятий, не правда ли? Эпиграфом к книге «Свет есть добро» могли бы стать строки Владимира Соколова:

Надо писать  
О том, чего больше не будет,  
Надо спасать  
То, что другой позабудет.

Она, эта книга, и правда «о том, чего больше не будет», о том, «что другой позабудет». В ней несколько разделов. Первый — «Дни мои бегут быстрее гонца» — это невыдуманные, грустные и смешные, написанные пером зрелого прозаика рассказы о его детстве и юности, о том, как он «хотел стать человеком» и кто ему в этом помогал. Второй — «Этот удивительный человек» — короткие и выразительные, будто притчи, наброски и впечатления, записи о людях, таких непохожих на нас и таких похожих: взглядишь — и увидишь час-